

Через несколько дней погода наконец выдалась солнечной: рассеялись облака, словно дурные мысли, воздух вместо тяжелого холода стал пахнуть яркой, слепящей свежестью, холмы и силуэты гор за поместьем приняли позы особенно горделивые, и солнечный свет, что заливал их плавленным золотом от кутающихся в серые меха облетевших деревьев подножий до снежных шапок вершин, был особенно красив. Именно в такой день Императору следовало выйти на охоту, и с раннего утра было объявлено, что долгожданной забаве быть. На самом деле охотиться принялись бы только самые бесстрашные придворные и слуги: остальным же благородным господам предстояло лишь сменить шелк придворных покоев на тишину сытых предгорий. Вместо благих зверей на скатах крыш на ветках деревьев сидели живые птицы, высокий потолок тронного зала заменило необъятное небо, а вензеля колонн и полотен — узор инея на случайных лужах. Холод пробирал от одного взгляда на улицу из натопленных комнат — но и радостное, по-детски чистое нетерпение.

Пятый принц, конечно, не мог проявить неповиновение, не откликнувшись на приглашение отца: потому к часу дракона из ворот поместья появилась его облаченная в теплые дорожные одежды фигура. С собой Его Высочество взял лишь нескольких гвардейцев и советника. Выезжая, он о чем-то с ними весело болтал.

Двор Пятому принцу и его приближенным был выделен удаленный, не славящийся ни красотой, ни удобством — это в мыслях Императора должно было в который раз напомнить Фу Ичжэню о бедственном его положении. Ворота выходили сразу в глухую стену, которой оканчивалось все поместье Водных цветов: за ней была река, а на противоположном берегу буйно рос горный лес, который год отвоевывающий землю себе у крупных валунов, когда-то скатившихся сюда после горного обвала. В этих местах вид становился не чарующе-диким, а неухоженным, потому даже слуги принца редко бросали поверх побеленной стены взгляды на ту сторону реки: и тем удобнее было наблюдать за двором оттуда.

Его Высочество Пятый принц на развилке, которая должна была вывести его к главным воротам поместья, откуда выезжала свита Императора, вдруг остановился и поглядел назад. Издали рассмотреть было трудно, но в позе Его Высочества чувствовалась растерянность. Он что-то сказал гвардейцам — и те поспешили в сторону главных ворот. Пятый принц с советником некоторое время смотрели им вслед, а после направили коней в другую сторону. Следы их лошадей легли на утопанную землю, по которой еще до рассвета большая часть воинов принца покинула поместье, направившись в сторону перевала Дикой сливы.

Люди, что наблюдали за Пятым принцем, увидели достаточно: дождавшись, пока он скроется за зданиями, они спешно, но тихо и слаженно поднялись и поспешили с докладом к своему генералу. Следовать за Фу Ичжэнем не было смысла: он планировал покинуть поместье через задние ворота и оттуда сразу бы направился на восток, к перевалу. Дорога до него в эту пору была пустынна и отлично просматривалась с разных сторон. Его Высочество мог заметить слежку: и, пусть ничего не смог бы предпринять, любого вмешательства все же следовало избегать.

Воины, что наблюдали за Пятым принцем, крепкие люди в черных одеждах без знаков отличия, спустились с холма, но направились не к поместью, а в сторону охотничьих угодий. Действовали они так слаженно и быстро, что даже на фоне белоснежного полога, укрывшегося землю, становились незаметными: будто пронеслись мимо последние палые листья, влекомые ветром, и скрылись за горизонтом, у начинающегося на пологом склоне горного леса. В нем прятаться было уже легче, потому воины ускорились, по выверенным тропкам обогнули въехавший в эту пору в лес императорских экипаж, и обошли его со стороны крутых оврагов, где глаз было меньше прочего. Лошадей воины оставили в овраге, планируя вернуться за ними позже, на ходу из тугих мешков достали одежды с символами армии генерала, и естественно,

как ручей вливается в реку, влились в процессию Императора. Никто не обратил на них никакого внимания, и люди смогли за четверть шеня приблизиться к своему господину.

Пань Тань ехал на матером гнедом жеребце, которого привез с собой с северных границ: варвары были лучшими наездниками, чем люди центральных равнин, потому и лошадей выращивали лучших. В прошлой жизни, столь же далекой, сколь ярко встающей перед глазами генерала долгими ночами, он убил этого коня под сиденьем вражеского гуна и с печалью наблюдал, как жеребец в последней агонии бьет копытами и смотрит на него свирепыми, не лишившимися ни ярости, ни пыла сражения глазами. Теперь этот конь смотрел ласково, и каждый раз, когда Пань Тань поглаживал его по холке, довольно фыркал.

На других людей, пусть это были воины Цзяннаньского хоу, конь поглядывал будто бы с подозрением. Вот и теперь подошедший в генералу воин прежде всего встретился с алыми глазами коня — и только после с обманчиво-радушным взглядом Пань Таня.

— В начале часа тигра поместье покинули около тридцати конных воинов с алебардами, — четко, но тихо, отработовал воин. — Около ши назад ушел Его Высочество.

— Он прислал к Его Величеству своего человека, сказал, что задерживается и присоединится к охоте чуть позже, — сказал Пань Тань с улыбкой. Госпожа Гао Нин, что ехала на шаг позади генерала и слышала все сказанное, неприязненно вздохнула:

— Видимо рассчитывает появиться перед Императором уже с головами неприятеля!..

— Мы можем пожелать лишь удачи Его Высочеству, — с улыбкой сказал генерал, потрепав коня по голове. — Вряд ли он станет мешкать, и нам следует поторопиться.

Госпожа Гао Нин была беременна, но держалась в седле уверенно. В последние недели живот ее едва стал округляться, потому плотным доспехам она предпочла толстый кожаный плащ, из привычного своего облачения оставив лишь шлем с длинным алым пером. В нем выражение лица женщины казалось извечно хмурым. Едва ли ей следовало сегодня находиться здесь, едва ли она в полной мере поддерживала план своего генерала — но верила ему как самой себе, потому, обладая душой воина, не стала колебаться.

— Мы отведем Его Величество в сторону, — сказала она, и Цзяннаньский хоу в ответ благодарно улыбнулся.

Через время до Императора дошла весть: хоу заметил в лесу белоснежную лисицу, с мехом таким мягкими и гладким, что достоин был небожителей. Генерал бросился выслеживать лису — и иные придворные вместе с Императором тоже отправились в ту сторону. Если бы они не поймали чудесную лису, то хотя бы поглядели на нее в чужих руках. Сама собой процессия сдвинулась к западной части леса и хоу в общей суете, оставив Гао Нин своим зычным голосом отдавать приказы и создавать видимость жаркой охоты, тихо скрылся. Иной человек и не заподозрил бы его отсутствия: Пань Тань всегда стремился на врага впереди своих воинов, и иные генералы, не видя его спины, слышали лишь рассказы о великих деяниях Цзяннаньского хоу, довольно им посмеиваясь. Порывистость свойственна юности!..

Но Пань Тань отнюдь не был юн. Лицо его обладало свежестью, свойственной молодому мужчине, но глаза, что отражают все тревоги души, даже в самые радостные моменты оставались темны, словно безлунная ночь. Или омут: такой глубокий, что и погрузившись с головой не достанешь кончиками пальцев ног дна. В этом омуте ночь была неотличима от дня, любовь от ненависти, а благородство от зловонной подлости. Разница между этими красивыми словами для генерала стерлась в холодной камере тюрьмы на закате его жизни и горечи яда на

губах. Такую горечь он не планировал больше испытывать никогда — но остервенело желал заставить других ее ощутить. Пань Тань не был злопамятен — он был справедлив, и почитал возможным там, где слепы оказались карма и божественное провидение, взять судьбу, в том числе и чужую, в свои руки.

Цзяняньскому хоу не составило труда обогнуть шумную процессию Императора со стороны и выехать из леса главной дорогой. От нее он сразу отправился на восток, к перевалу Дикой сливы. Это место взяло свое название от деревьев, что своими корнями, казалось, поддерживают нарывающие сойти камнепадом скалы. Почва тут была напитана влагой, потому даже каменная крошка под копытами коней временами становилась рыхлой и опасной для животных — но Пань Тань нещадно гнал своего жеребца вперед, предвкушая скорое удовлетворение. Пятый принц мало заботил его, но страх, разочарование или боль на другом лице — в этой жизни он действительно видел их много раз, но насмотреться никогда бы не смог.

Яркое солнце освещало генералу путь, словно поощряя содеянное им. Он издала среди редкого горного леса, начинающегося здесь, увидел небольшой отряд, и не смог сдержать предвкушения.

Однако чем ближе генерал приближался к отряду, тем больше подозрений зрело в его душе. Почему тут, на таком открытом месте? Через несколько ли начиналась узкая горная тропа, которая вела к перевалу Дикой сливы, останавливаться здесь не было никакого смысла. Да и одежды топтавшихся на месте людей, и человек впереди них... он был чуть ниже, не так худ, и держался в седле без свойственной господину Ли грации. Пань Тань прищурился, подъезжая, и в простых чертах человека во главе отряда узнал Мин Цзе.

Тот при приближении генерала поспешил скрыться за спинами своих гвардейцев, воинов в цветах Третьего принца, но оттуда почти дружелюбно улыбнулся Цзяняньскому хоу.

— Генерал, и вы тут! Неужели уже слышали новости?

Пань Тань остановился, прищуренным взглядом окинул чужих людей. Дыхание его чуть сбилось, а сердце пропустило бы удар — если б у него было сердце.

— Какие? — без привычной своей улыбки спросил генерал.

— Как же! — воскликнул Мин Цзе и всплеснул руками. — На перевале видели варваров! Пока это только слухи, но Император теперь неподалеку, потому проявить небрежности нам нельзя. Его Высочество Третий принц, едва услышав об этом, лично отправился в Чжэнчжоу, просить выслать отряд, Минувшей ночью мы завалили перевал и по нему теперь не пройти, но осторожность, когда Его Величество охотится, не помешает! Даже меня Третий принц оставил здесь именно для того, чтобы охранять перевал: мало ли, кто-то появится! — неожиданно Мин Цзе улыбнулся. — Появились вы.

«Вот как», — подумал Пань Тань и ощутил, как мир ускользает из его рук: чувство печально ему знакомое, но странно волнительное. Он дал Ли Инчуню хорошую ставку, позволил мечтать о том, как прославится своим подвигом Пятый принц — но тот отдал шанс Третьему высочеству. Глупость это была, или доброта?.. Нет, точно не она: этот человек никогда не слышал даже призрачного ее запаха. Кроме того, Третий принц не стал пытаться геройствовать сам, а отправился в Чжэнчжоу: не стоило и рассчитывать, что он выдумал это сам, скорее пожелал обезопасить себя по наущению господина Ли.

Оставалась еще безвременная гибель Четвертой принцессы — но так ли она важна, если Фу

Ичжэнь решил отступить здесь? Он покинул поместье, так куда же?..

Вдруг ощутив что-то, что-то липкое, противное и бессильное, отвратительное, как вид пустого павильона Цветения, Пань Тань спросил:

— Где Пятый принц?

— Его Высочество? — удивился Мин Цзе. — Разве не на охоте с Его Величеством?

В этот момент случившееся словно части одной картины сложилось в мыслях генерала и душа его похолодела. Ли Инчунь не отправился сюда, оставил Четвертую принцессу без присмотра и покинул поместье Водных цветов. Если не к будущей славе, куда он еще мог отправиться? В трусливом его характере было тогда отринуть все достигнутое вовсе!

Пань Тань было развернулся — но неожиданно дорогу назад ему преградили воины Третьего принца. Обошли ли они его, или с самого начала прятались поодаль: генерал не заметил этого за собственными мыслями. Он посмотрел на Мин Цзе.

Тот с искренней озабоченностью сказал:

— Куда же вы, генерал? Я не военный, потому в случае беды не смогу удержать перевал! Его Высочество Третий принц приказал, чтобы я оставил с собой любого воина, что будет проезжать мимо и сможет мне помочь. Извольте остаться и подсобить мне: так нам всем будет куда спокойнее...

Душа Цзяняньского хоу вскипела: а вот и причина появления здесь этого шута! Задержать его, пока господин Ли убегает так далеко, как только может. Пань Тань подался было вперед, но гвардейцы Третьего принца, оцетинившиеся сталью копий, сомкнули ряды. Раздался голос Мин Цзе:

— Генерал, лучше вам остаться. И оставить свои планы, какими бы они не были. Вам не кажется, что вы и так уже сделали куда больше, чем следовало?

Пань Тань поглядел на Мин Цзе и зло усмехнулся:

— Решил помогать ему? Я не тронул тебя раньше лишь из-за жалости, но ты так и норовишь войти дважды в одну реку.

— Не нужно меня запугивать, — отозвался Мин Цзе и в голосе его послышалась не свойственная юности строгость. — Из нас лишь один не может отпустить далекое прошлое.

— Из нас лишь один не может развеять свои иллюзии, — отозвался генерал. — Задумался ли ты хоть раз, как умер сам?

Хоу подался было вперед снова — но за всеми безумствами затевать драку с людьми Третьего принца было бы губительно для едва обретшего четкую форму доверия Императора. Пань Тань все еще сидел прямо, но кулаки его на поводьях расслабились. Взгляд генерала пылал, однако его статной фигуре оставалось лишь, в молчании сжимая зубы, смотреть на запад: не достойному ни любви, ни ненависти, ни прощания.

В плане хоу было поманить Пятого принца возможностью прославиться, а в его отсутствие расправиться с Четвертой принцессой, не оставив для Его Высочества шанса оправдаться. Тогда бы вскрылось и самоуправство принца, что не сообщил о возможном враге.

Императору, и небрежность Третьего высочества, и их связь — никто не вернулся бы во дворец Императора с тем же его отношением, что и раньше. И пусть неожиданно вызов генерала, который играл на чужой гордости, оказался полностью проигнорирован, гвардейцы его планировали исполнять любой приказ с точностью. Несколько дней назад было назначено точное время, в какое в павильоне Четвертой принцессы должна была пролиться кровь.

Сама Фу Лихуа об этом, конечно же, не ведала: проснувшись, она несказанно обрадовалась солнечной погоде и, наскоро закончив с утренними делами, вышла на прогулку. Прекрасное лицо девушки обрамлял подбитый мехом капюшон, плечи ее заботливо обнимал плотный плащ, а ноги были обуты в туфли на толстой подошве: целый шень принцесса могла бы гулять по заснеженному саду, не ощущая холода. По гладко выметенным дорожкам она парила, словно журавль, и вокруг нее будто звезды вокруг луны вились прелестные служанки. Девушки смотрели на сияющий подобно драгоценным камням снег, на припорошенные им деревья и здания, иногда лепили снежные фигурки: но быстро со смехом оставляли их у тропинки, принимаясь греть покрасневшие от холода руки.

Из-за голых ветвей сад хорошо просматривался: и в каждой его части можно было заметить стражников. Молчаливые и суровые, они стояли у главного входа, у задней калитки, возле каждой дорожки и беседки. Фу Лихуа привыкла к охране вокруг себя, потому не обращала на них много внимания, но даже в ее радостную от чудесной прогулки душу в один миг проникла случайная мысль: а не слишком ли сегодня гвардейцев вокруг много?..

Едва девушка подумала об этом, как все воины вдруг начали двигаться. Неспешно, но неотвратно, словно получили приказ, какой намеревались исполнить. Недалеко от Четвертой принцессы стоял один гвардеец: в один миг он оказался около девушки и прежде, чем служанки опомнились, схватил ее за руку.

— Что ты творишь! — первой заметила неладное Ин-эр и бросилась к хозяйке: но разве могла что-то сделать хрупкая, словно фарфоровая ваза, дворцовая служанка против закаленного боями воина? Лицо гвардейца не выражало эмоций, но было напряженно — казалось, оно превратилось в жуткую маску, какие встречаются на каменных статуях. Одним движением руки гвардеец отбросил Ин-эр в сторону.

Другие девушки тоже кинулись на помощь, оглядываясь: гвардейцы приближались к ним со всех сторон, и намерения их явно не были добрыми. Самые сообразительные в один миг поняли, что происходит, но Фу Лихуа лишь смотрела на мужчину, что держал ее широко раскрытыми глазами, не осознавая, злиться ей или бояться. Неподалеку служанка бросилась было наперерез гвардейцу, чтобы остановить его, но тот сделал какое-то быстрое, небрежное движение — и девушка упала замертво, а из ее рассеченной груди толчками принялась вырываться кровь.

Державший Четвертую принцессу гвардеец между тем плавным, но небывало быстрым движением вынул меч из ножен и занес его над девушкой. В мгновение сердце Фу Лихуа похолодело, раздался чей-то крик, звук торопливых шагов и на белоснежный снег брызнули капли крови.

Всего несколько капель, на самом деле. Они сорвались с носа гвардейца, который от напряжения нахмурил лицо и стиснул зубы: замерев в нелепой, угрожающей позе, он попытался пошевелиться — но не мог сделать и шага.

Фу Лихуа словно в чудном сне огляделась: все гвардейцы, что еще мгновение назад спешили к ней, замерли. Некоторые из них подрагивали, пытаясь пошевелиться вновь, на лицах многих

было искреннее недоумение. Сад Четвертой принцессы словно обратился собранием невероятно реалистичных, но уродливых фигур.

И только двое воинов продолжали двигаться. Они стояли у входа в поместье, который отсюда через лунные ворота можно было разглядеть. Гвардейцы вдруг, сбросив шлемы и оставив длинные алебарды, поспешили в сторону Четвертой принцессы. Издали она услышала их голоса:

— Ах, ноги не держат, все же слишком много ушло...

— Не ной и двигайся. Времени у нас мало.

Гвардейцы под удивленный взгляд Четвертой принцессы, что так и не успела как следует испугаться, приблизились — и вдруг между ними и Фу Лихуа возникла Ин-эр. Она вскочила с земли, не отряхнув юбку от снега, и теперь раскинула руки, полная решимости защитить свою госпожу. Девушка была не очень высокой и довольно тщедушной, но от ее напора гвардейцы в самом деле удивленно замерли.

— Кто такие? Как вы смеее? — воскликнула Ин-эр, и вздернув голову, изо всех сил закричала: — Стража! Тут чужие!..

Один из гвардейцев подался вперед и ловко зажал девушке рот. Внешность его была простоватой, но приятной, а когда молодой человек улыбался, вид его становился крайне располагающим.

— Ну что же ты кричишь, сестренка? Мы не знаем, есть ли тут враги кроме! А вдруг сбегутся? На доспехи этих мы наложили специальные массивы, поэтому теперь смогли их остановить — но с другими не знаю даже, справимся ли.

Ин-эр, от возмущения покрасневшая, отбросила чужую руку, и отступила на шаг, все еще отгораживая Четвертую принцессу.

— Другие? А вы тогда кто? Чего хотите?! Перед вами Ее Высочество Четвертая принцесса, потому вам, смутьянам, лучше бы сейчас молить о прощении своих предков!..

— Будто ее можно с кем-то перепутать, — сварливо отозвался второй гвардеец и тут же поклонился Фу Лихуа. — Ваше Высочество, мы прибыли за вами. Эти люди, — он небрежно пнул стоящего тут же гвардейца, который все силился пошевелиться. — Были посланы врагом, чтобы вас умертвить. К счастью, мы успели вовремя, но надо спешить.

— Врагом? — повторила Фу Лихуа удивленно. — Кем?

— Этого мы не знаем, — ответил второй гвардеец... хотя гвардеец ли? Только теперь Четвертая принцесса заметила, что молодые люди перед ней крайне молоды — разве успели бы они дослужиться до видного поста в свои годы? Кроме того, тяжелые латы на юношах смотрелись несколько неуместно, словно были не по размеру, и держались они в такой одежде скованно. — Пойдемте, Ваше Высочество, времени нет.

— Как же это... — растерянно пробормотала Фу Лихуа, оглянувшись вокруг. Только что все было славно — и уже теперь чья-то кровь обогрела снег, и иные служанки, несколько придя в себя, пытаются разжать каменную хватку гвардейца на запястье Четвертой принцессы.

— Ваше Высочество, не время медлить, — мягко сказал первый «гвардеец». — Поспешим, мы

отведем вас в безопасное место.

— Да с чего бы нам верить?! — напустилась Ин-эр. — Может вы еще хуже этих собак!.. Как такое может быть, чтобы из министерства войны!..

— Мы не из министерства войны, — ответил второй «гвардеец». — Нас прислал... молодой господин Фэн. До него дошел слух, что здесь вам может быть небезопасно, потому среди ваших людей он оставил нас. Мы сопроводим вас в его павильон до возвращения Императора.

Служанки наконец разжали хватку замершего гвардейца на руке Фу Лихуа — и тут же она почувствовала, как саднит запястье. Оглядевшись, Четвертая принцесса вдруг ощутила будто двор ее так же велик, как небо, и что замершие воины, усеивающие его, смотрят на нее с ненавистью. Невольно Фу Лихуа подступила к ложным «гвардейцам».

— Хорошо... — пробормотала она, и тут же уже смелее ответила. — Эта принцесса в самом деле не может судить о том, что творится вокруг, потому лучше будет дожидаться возвращения отца-Императора в проверенном месте. То, что вы сделали с воинами?..

— О, это заклинательская магия, — тут же с улыбкой пояснил первый «гвардеец». — С ее же помощью мы доставим вас до двора молодого господина.

Второй «гвардеец» добавил:

— Взять кроме принцессы сможем только одну служанку.

Ин-эр возмутилась:

— О каком молодом господине вы говорите? Все сейчас должны быть на охоте!

— Молодой господин был болен, потому до сих пор плохо себя чувствует и не поехал с другими, — отозвался второй «гвардеец», чуть нахмурившись. Чужая несговорчивость явно ему не нравилась: как и это задание.

— Поверить вам на слово!.. — начало было Ин-эр, но Фу Лихуа прервала ее.

— Хватит, Ин-эр, я согласна, — не дав девушке возразить она продолжила. — Какой коварный план ты видишь в действия молодых господ? Они только что спасли нас всех, а теперь хотят увести подальше. Неужели тут безопаснее? — и, обернувшись, Четвертая принцесса приказала: — Идите к молодому господину Фэну, мы с Ин-эр отправимся с господами-заклинателями. Не бойтесь: если в поместье есть враг, он будет искать меня, а вас не тронет. Но не задерживайтесь здесь...

— Верно-верно, — добавил первый заклинатель. — Наш массив долго действовать не будет.

Словно в подтверждение его слов гвардеец совсем рядом двинулся, словно подвижность начала постепенно возвращаться в его доспехам, обратившись ловушкой. Больше никто спорить не стал. Второй заклинатель со всей осторожностью приподнял над землей Четвертую принцессу, первый — Ин-эр, и оба они в один миг оттолкнулись от земли, оказавшись на изогнутой крыше ближайшего здания. По ней, словно по ровной дороге, заклинатели поспешили к двору молодого господина, пока Ин-эр и Четвертая принцесса судорожно держались за их плечи.

Только в этот миг Ян Вэньян порадовался, что облачен в ужасно неудобную, тяжелую и шумную броню императорских гвардейцев — иной наряд от волнения Четвертая принцесса

точно бы ненароком разорвала. Кроме того, броня эта была в самом деле слишком приметной: много усилий понадобилось двум молодым заклинателям когда, спустившись на землю около двора молодого господина Фэна, они бесшумно ускользнули от взгляда Четвертой принцессы. Та и не заметила пропажи своих спасителей, пока входила в распахнутые двери.

Спасители же, бросив последний раз взгляды на смутные фигуры, что виднелись за воротами павильона, снова запрыгнули на крыши и поспешили в сторону. Строения были разного размера, какие-то пагоды выделялись среди прочих, какие-то, напротив, были приземисты: юные заклинатели ловко бежали меж ними, внимательно оглядываясь и от случайных взглядов прячась за резными скатами крыш.словно по горной тропе пробежав по стене широкого сада, они проскользнули через двор какого-то министра, наполненные дымом и суетой кухни, комнаты слуг, какие в этот час были пустынные...

Наконец молодые люди оказались у западных ворот поместья Водных цветов. Они были чуть встрепанными, но все еще оставались облачены оставались в форму гвардейцев, потому в воротах их не остановили, решив, что это какой-то господин или госпожа решили послать весточку своим родственникам на охоте: в самом деле, людей в поместье по случаю приезда Императора было много, но порядок поддерживался плохо. По крайней мере порядок внутренний, прорехами в котором пользовались некоторые бесстыдные люди.

Ян Вэньян и Чжунчу Чэн направились на запад, но на развилке повернули не к лесу, а к холмам, которые в этих местах взымались все более и более, а через несколько ли и вовсе обращались предгорьями, на горизонте уже сейчас клубящимися грозowymi облаками. Некоторое время молодым заклинателям пришлось пройти пешком, но за одним из поворотов дороги их уже ждали.

Тут располагалась маленькая чайная, в которой путники отдыхали в дороге. По случаю холодов лишь несколько деревянных столов оставили под навесом на улице, и один из них сейчас был занят гостями: Пятым принцем и господином Ли. Они посмотрели на вернувшихся юношей, но разговора не прекратили, лишь глаза Ли Инчуня вспыхнули заинтересованно.

— ...и после этого, казалось бы, героиня должна вовсе уйти со сцены, однако ее можно еще заметить в толпе в других моментах. В маленьких театрах, конечно, на такое не хватит людей — подумать только, умелую актрису до конца представления оставить на сцене, но заставить молчать, — однако в представлениях столицы я частенько замечал, что этот ход присутствует. Что и сказать, доходные места могут себе это позволить!..

Ян Вэньян нахмурился чужому безразличию к себе, но Чжунчу Чэн его, кажется, и не заметил. Он подошел прямо к столику молодых господ и громко объявил:

— Шисюн, мы вернулись!

— Отчего бы тебе не кричать об этом еще громче, — с улыбкой отозвался Пятый принц. — Мы же тайно сбегаем от Императора, нам нужно побольше свидетелей.

Но на его ворчание мало кто обратил внимание. Фу Ичжэнь всегда был таков, потому Чжунчу Чэн вместо того, чтобы выслушивать его упреки, обернулся к Ли Инчуню:

— Господин Ли, вот мы и снова встретились! Узнаете нас? Это же я, даос Чжунчу!

— Едва ли можно было не узнать, — сказал Ли Инчунь, но на молодых людей в самом деле смотрел с интересом. Они действительно напоминали себя — такими, какими знал их господин Ли, стариками, — но незнающему человеку легко было бы и ошибиться. Черты лиц

заклинателей стали теперь куда мягче, лица были гладкими и нежными, а волосы, на военный лад завязанные в тугие пучки на макушках, черны, словно смоль. Кроме того стало заметно, что Ян Вэньян часто хмурится (из-за поседевших бровей ранее это выражение у него получалось мягче), а Чжунчу Чэн едва ли может спокойно стоять на месте: даже теперь он крутил головой, поправлял одежды и радостно притопывал ногой. — Так, мой способ сработал?

Неожиданно выражения лиц заклинателей стали кислыми.

— В целом, да... — отозвался Чжунчу Чэн и качнул головой. — Мы расскажем вам после, если попросите. Нехорошо начинать встречу с разговоров о дурном.

Господин Ли ухмыльнулся и посмотрел на Фу Ичжэня:

— Так вот, о каких помощниках ты говорил?

— Мы получили письмо от шисюна уже на пути к столице! — тут же вернув себе радостное расположение духа, вместо принца ответил Чжунчу Чэн. — Хотели вернуться сразу к вам и молодому господину Фэну, но шисюн строго приказал пока в столице не показываться, и отправляться сюда, чтобы сойти за своих. Мы почти целую неделю притворялись гвардейцами, присланными из столицы! Это куда сложнее тренировок в секте!..

— Это вам в наказание, — сказал Фу Ичжэнь, совсем не растроганный чужим упорством. — Но не думайте, что отделаетесь за свою глупость с проклятьем только этим.

Ян Вэньян пробормотал было:

— Старое дело, к чему вспоминать... — но, встретившись взглядом с шисюном поспешил замолчать.

Молодые люди не стали долго сидеть: поднялись, оседлали припасенных тут же лошадей и отправились в путь. Дорога их лежала к горному хребту, который смутно виднелся отсюда — а может господину Ли просто нравилось думать, что он его видит. На коне Ли Инчунь сидел все еще с опаской, потому не отъезжал далеко от Фу Ичжэня, надеясь, что тот сможет в случае чего его поймать. За пазухой плотных зимних одежд господина Ли уютно мурчал Дами, а на лице его было небывало спокойное выражение.

Едва чайная, а с ней и поместье Водных цветов, скрылось за холмами, он позвал:

— Ваше Высочество, — и когда Фу Ичжэнь посмотрел на него, продолжил: — В дороге или секте называть вас так будет не слишком удобно. Как к вам обращаться?

— Не слишком ли самонадеянно просить неформально обращаться к сыну Императора? — с улыбкой спросил принц, но Ли Инчунь лишь качнул плечами.

— Где ты здесь видишь Императора?

И в самом деле. Вокруг не было ни кандалов из каменных стен императорской столицы, ни блеска ее, что затмевал солнце, ни оглушающего шума голосов придворных. Ни старой ненависти, ни новых желаний, ни злобы, что длится десятилетиями. Только маленькие люди и их маленькая, счастливая история.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1758072>